

трепет, яко же на самого царя Сафа-Кирея и на князей и на вся люди казаньския по многому волховованному их и мечтанию“.¹

Победу Русского государства над Казанью автор представляет не как „боговодимый подвиг царя“, а как тяжелый труд русского воинства и его главы — Ивана Грозного. Не христианские добродетели „царя и великого князя“, а его государственная мудрость и воинский талант выдвинуты в произведении на первый план. Даже в идеализированном портрете Ивана Грозного не нашла места характеристика его христианских добродетелей.

В произведениях средневековья К. Маркс отмечал, как одну из характерных их особенностей, „религиозный отпечаток“,² — он налицо и в „Казанской истории“: в произведении имеются знамения, чудеса русских святых, прорицания, вещие сны и т. п. Но он здесь присутствует лишь в той мере, в какой к нему прибегали все писатели XVI века, не исключая и самого Грозного. Не эти, объясняемые условиями времени черты сделали „Казанскую историю“ отражением передовой общественной мысли XVI века.

В. И. Ленин указывал, что „Исторические заслуги судятся не по тому, чего *не дали* исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали нового* сравнительно с своими предшественниками“.³ „Казанская история“ — публицистическая повесть, построенная на огромном материале исторического повествования, пронизанном единой мыслью и подчиненном единой идее, — свидетельство нового этапа в историческом самосознании русского народа, свидетельство нового этапа и в литературном развитии древней Руси.

¹ ПСРА, т. XXI, ч. 2, стр. 609.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VIII, стр. 128.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 2, стр. 166.